

НА КРЫЛЬЯХ ЛЮБВИ

Барбара Картленд

Секреты
прошлого

КЛУБ
СЕМЕЙНОГО
ДОСУГА

На крыльях любви

Барбара Картленд
Секреты прошлого

Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга»

2013

УДК 821.111
ББК 84(4ВЕЛ)

Картленд Б.

Секреты прошлого / Б. Картленд — Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», 2013 — (На крыльях любви)

ISBN 978-1-499303-62-9

Очаровательная Луэлла вынуждена бежать из Франции в Англию, спасаясь от негодяя Франка Коннолли. Он проиграл в карты свое состояние и решил жениться на девушке, чтобы поправить дела. По воле судьбы беглянка оказывается в поместье виконта Дэвида Кеннингтона. Этот статный, внимательный и галантный мужчина очаровывает ее. Ночами она грезит о его объятиях. Но девушка боится, что тайна прошлого может разрушить ее счастье. Она уезжает в Лондон, не догадываясь, что от истинной любви убежать невозможно...

УДК 821.111
ББК 84(4ВЕЛ)

ISBN 978-1-499303-62-9

© Картленд Б., 2013
© Книжный Клуб «Клуб Семейного
Досуга», 2013

Содержание

«Розовая серия» Барбары Картленд	6
Глава первая	7
Глава вторая	15
Глава третья	23
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Барбара Картленд

Секреты прошлого

© Cartland Promotions, 2013

© DepositPhotos.com / Tihon6, обложка, 2017

© Shutterstock.com / creativepro, Jiffy Avril, horiyan, Preobrajenskiy, обложка, 2017

© Hemiro Ltd, издание на русском языке, 2017

© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», перевод и художественное оформление, 2017

* * *

Все персонажи и ситуации в книге вымышленные и никак не связаны с реальными людьми или событиями

Корк подал на стол обед, и виконт принялся обсуждать с девушкой благоустройство сада. Он слишком нервничал, поэтому не мог с самого первого слова заговорить о женитьбе.

Но вот когда обед подошел к концу, понял – ему не остается ничего иного, как собрать все свое мужество и задать тот самый вопрос, не дававший ему покоя.

Прочистив горло, виконт сказал:

– Мне хотелось бы знать, была ли у вас возможность обдумать мое предложение.

Луэлла, избегая его взгляда, отложила в сторону десертную ложечку.

Он заметил, что она не решается заговорить, и заподозрил самое худшее.

– Была, – наконец промолвила девушка своим ясным музыкальным голосом. – Но после того, что я намерена открыть вам, быть может, вы захотите взять свое предложение обратно.

– *Никогда!* – вскричал он, и его карие глаза вспыхнули пламенем страсти. – С какой стати я должен делать нечто подобное?

– С такой, – негромко произнесла Луэлла. – Однажды я уже была помолвлена – с другим.

Сердце виконта билось так сильно, что ему было трудно дышать.

– И только? – бессвязно пробормотал он. – Это не имеет никакого значения... и ничуть не помешает нам с вами обручиться.

– Но я... товар, уже бывший в употреблении.

– Вы имеете в виду...

«Розовая серия» Барбары Картленд

Барбара Картленд была необычайно плодовитой писательницей – автором бесчисленных бестселлеров. В общей сложности она написала 723 книги, совокупный тираж которых составил более миллиарда экземпляров. Ее книги переведены на 36 языков народов мира.

Кроме романов, ее перу принадлежат несколько биографий исторических личностей, шесть автобиографий, ряд театральных пьес, книги, которые содержат советы, относящиеся к жизненным ситуациям, любви, витаминам и кулинарии. Она была также политическим обозревателем на радио и телевидении.

Первую книгу под названием «Ажурная пила» Барбара Картленд написала в возрасте двадцати одного года. Книга сразу стала бестселлером, переведенным на шесть языков. Барбара Картленд писала семьдесят шесть лет, почти до конца своей жизни. Ее романы пользовались необычайной популярностью в Соединенных Штатах. В 1976 году они заняли первое и второе места в списке бестселлеров Б. Далтона. Такого успеха не знал никто ни до нее, ни после.

Она часто попадала в Книгу рекордов Гиннесса, создавая за год больше книг, чем кто-либо из ее современников. Когда однажды издатели попросили ее писать больше романов, она увеличила их число с десяти до двадцати, а то и более, в год. Ей тогда было семьдесят семь лет.

Барбара Картленд творила в таком темпе в течение последующих двадцати лет. Последнюю книгу она написала, когда ей было девяносто семь. В конце концов издатели перестали поспевать за ее феноменальной производительностью, и после смерти писательницы осталось сто шестьдесят неизданных книг.

Барбара Картленд стала легендой еще при жизни, и миллионы поклонников во всем мире продолжают зачитываться ее чудесными романами.

Моральная чистота и высокие душевные качества героинь этих романов, доблесть и красота мужчин и прежде всего непоколебимая вера писательницы в силу любви – вот за что любят Барбару Картленд ее читатели.

Когда у меня в двенадцать лет спросили, что самое важное в жизни, я не раздумывая ответила – ЛЮБОВЬ. Сейчас мне уже девяносто, но я до сих пор придерживаюсь прежней точки зрения и не изменю ее никогда!

Барбара Картленд

Глава первая

1901 год

– Идемте же, тетя Эдит, – прошептала Луэлла Риджуэй, наблюдая, как посыльный сражается с грудой чемоданов, когда перед ними открылся лифт. – Нам нужно спешить.

Посыльный проворчал что-то неразборчивое и поудобнее перехватил чемодан, зажав у него под мышкой. Он решительно отказывался понимать, куда эти англичанки могут торопиться в столь поздний час.

– Луэлла, ты взяла с собой ночное белье, лежавшее у тебя под подушкой? – осведомилась графиня Риджуэй, втискиваясь в кабину лифта вместе с племянницей. – Очень надеюсь, что ты не забыла ту чудесную ночную сорочку.

– Она в коричневом чемодане, – вздохнула девушка.

Лифт начал медленный спуск вниз. Но вот двери его разъехались, и леди оказались в фойе, где царила жутковатая сверхъестественная тишина. На своих постах дежурили только ночной портье и регистратор.

Графиня уверенным шагом подошла к стойке и на безупречном французском языке потребовала счет.

– Вы покидаете нас, мадам графиня? – осведомился клерк.

– Да, и я была бы вам чрезвычайно признательна, если бы вы воздержались от ответов на вопросы о нашем местонахождении либо пункте назначения нашего следования. Нам бы хотелось сохранить свое путешествие в тайне.

– *Bien sûr*¹, мадам графиня, – отозвался клерк, протягивая ей счет за проживание в гостинице.

Графиня внимательно рассмотрела бумагу в лорнет, после чего вынула из ридикюля несколько крупных ассигнаций. Луэлла в нервном ожидании застыла рядом, оглядываясь по сторонам с выражением насмерть перепуганного кролика.

– Тетя, от всей души надеюсь, что этот ужасный человек не войдет сейчас через вон те двери, – дрожащим от сдерживаемого волнения голосом пролепетала она.

– Не волнуйся, – ответила графиня. – Я сама слышала, как всего несколько часов назад он заказывал экипаж до казино – и потому вернется еще не скоро. Он будет играть до тех пор, пока начисто не опустошит свои карманы.

– Очень на это надеюсь, – прошептала девушка, поправляя выбившуюся из-под шляпки прядь волос. Зрачки ее светло-голубых глаз испуганно расширились. На милом личике в форме сердечка предательски дрожала нижняя губка, и окружающим Луэлла казалась эфемерным, нереальным видением, занесенным на Землю исключительно волею богов.

Именно эта необычная внешность и навлекла на нее нынешние проблемы. С тех пор как она случайно познакомилась с Франком Коннолли в одной из гостиниц Монте-Карло, он успешно доказал, что является чрезвычайно неприятной личностью.

«С этими озабоченными и вечно пребывающими в стесненных обстоятельствах буканьерами² всегда так, – заявила тетка, заметив, что Луэлла расплакалась, когда он вздумал оказывать ей настойчивое и совершенно нежеланное внимание. – Он смотрит на тебя и хочет, чтобы твоя красота принадлежала только ему, но при этом в первую очередь видит в тебе

---

¹ *Bien sûr* (франц.) – естественно, разумеется, конечно. (Здесь и далее примеч. перев., если не указано иное.)

² Буканьеры – пираты, которые нападали на испанские флотилии в Карибском море во второй половине XVII века. Ныне термин «буканьер» используется как синоним понятия «пират». Здесь слово использовано в переносном значении. (Примеч. ред.)

лишь состояние, способное спасти его от бесчестия и позора. Наверняка ему известно, что ты должна унаследовать очень крупную сумму, не говоря уже о моих поместьях в Шотландии, которые станут твоими после моей смерти». «Ах, тетя, умоляю вас, не говорите мне об этом! Ваши деньги мне совершенно не нужны, хотя я должна признать, что ваш замок мне очень нравится». «И в один прекрасный день он станет твоим», – отозвалась графиня.

И вот теперь, месяцем позже, они вынуждены были в панике переезжать из одной гостиницы в другую, а Франк Коннолли преследовал их по пятам.

В конце концов, после ужасной недели в Париже, где он угрожал покончить жизнь самоубийством, если Луэлла не пообещает немедленно выйти за него замуж, они решили поехать в Англию и вернуться в свой шотландский дом в Пертшире.

Сунув ридикюль под мышку, тетя Эдит последовала за посыльным к ожидающему экипажу, и ночной портье поспешил распахнуть перед леди двери.

– *Bon voyage*³, мадам графиня, мадемуазель Риджуэй, – с поклоном промолвил он. – Будем ли мы иметь счастье вскоре снова увидеть вас?

– Я так не думаю, – высокомерно заявила в ответ графиня. Затем, повернувшись к кучеру, она нетерпеливо бросила: – *Depechez-vous, monsieur. La Gare Saint Lazare, s'il vous plait*⁴.

Поскольку обе женщины разместились вполне благополучно и все их вещи были уложены в экипаж, карета сорвалась с места, после чего Луэлла вздохнула с облегчением.

Она знала – тетка права. Франк Коннолли наверняка просидит за игорным столом до самого утра, а к тому моменту они уже успеют сесть в поезд до Дувра, график следования которого согласован с пароходным расписанием.

Пока экипаж мчался по парижским улицам, Луэлла откинулась на спинку сиденья, погрузившись в мысли о Шотландии.

Минул уже год с той поры, как нога ее в последний раз ступала на землю Британии, и девушка с нетерпением ожидала возвращения.

– Мы не станем задерживаться в Дувре, – заявила тетя Эдит, когда карета уже подъезжала к вокзалу. – В Гастингсе я знаю одну приличную гостиницу, где мы и остановимся, перед тем как направиться в западную часть страны.

– В западную часть страны! – воскликнула Луэлла. – Но разве мы не поедем в Лондон на поезде из Инвернесса? А мне так хотелось пройтись по магазинам и полюбоваться столичными достопримечательностями.

– Нет, – негромко, но решительно отрезала графиня. – Лондон – первое место, где нас станет искать Коннолли. Нет-нет, мы должны сбить его со следа, и потому сначала отправимся в Корнуолл, а уже оттуда потом поедем на север, но только после того, как я сочту, что горизонт чист.

– Однако почему именно в Корнуолл, тетя?

– Потому что неподалеку от Буда живет моя хорошая подруга, с которой я давно не виделась. Я уже написала ей, чтобы она ожидала нашего прибытия. Отделаться от Франка Коннолли будет не так-то легко – как, впрочем, и от всякого одержимого. Я не обрету покоя до тех пор, пока мы не сядем на пароход и я не буду полностью уверена в том, что Коннолли нет на борту.

Экипаж остановился, кучер распахнул дверцу, и Луэлла увидела, что к ним спешит носильщик с тележкой для багажа.

---

³ *Bon voyage* (франц.) – Счастливого пути.

⁴ *Depechez-vous, monsieur. La Gare Saint Lazare, s'il vous plait* (франц.) – Поторопитесь, любезный. Вокзал Сен-Лазар, пожалуйста.

– Да, чем скорее мы доберемся до Кале, тем лучше, – согласилась она, следуя за носильщиком. – От всей души надеюсь, что мы расстались с Франком Коннолли навсегда!

* * *

– Очень хорошо, Кеннингтон, – открываемся.

Рыжеволосый мужчина с аккуратно подстриженными усиками затянулся сигарой, дым от которой колечками завивался кверху, и еще раз взглянул на карты, поднеся их к самому лицу. Сидящий напротив него Дэвид, виконт Кеннингтон, вздохнул и небрежно швырнул свои карты на стол.

– Пара семерок, – с отвращением пробормотал он, видя, как его напарник придвигает к себе сложенные кучкой в середине стола монеты и банкноты. – Все, с меня хватит, старина.

– Как, ты выходишь из игры?

– Увы, боюсь, что так, – вздохнул виконт Кеннингтон, поднимаясь со стула. Проведя рукой по густым черным волосам, он с наслаждением потянулся.

Галстук с ослабленным узлом болтался у него на шее, когда он сгреб со стола маленькую кучку монет, лежавшую перед ним, после чего выпрямился во весь рост и подхватил сюртук, висевший на спинке стула.

– Что ж, в следующий раз тебе непременно повезет, – сказал лорд Чалмерс.

– В последнее время карты вызывают у меня отвращение, – устало отозвался виконт.

– Какой вздор, дружище. У тебя – всего лишь черная полоса, и тебе надо попытаться счастья в чем-нибудь другом.

Виконт, вяло улыбувшись, поправил галстук. Было уже два часа ночи, и он смертельно устал. Правда, при этом надеялся, что кучер его не уснул на облучке кареты, стоящей на Ганновер-сквер.

– Что ж, до встречи, Кеннингтон. Увидимся на следующий уикенд в «Реформе», да? Намечается небольшая пирушка со Стратфордами – женится их сын и наследник.

– Посмотрим. Спокойной ночи, Чалмерс.

– Спокойной ночи, Кеннингтон, и смотри, не разочаруй нас! Стратфорд чертовски огорчится, если ты не приедешь.

Виконт улыбнулся ему сквозь клубы сигарного дыма и начал застегивать сюртук, после чего направился к выходу, двигаясь с легкой, изящной грацией, выдававшей склонность к занятиям спортом, коим он увлекался в юности.

В Кембридже его считали звездой команды по регби, равно как и выдающимся гребцом.

Но те славные деньки давно миновали, как, впрочем, и страсть к архитектуре, которая, собственно говоря, и привела его в университет.

Многие из преподавателей виконта надеялись, что он станет успешным архитектором, между тем после возвращения в Лондон он лишь бездарно убивал время в игорных домах да клубах столицы.

Начало сезона принесло с собой множество развлечений – а ведь был еще и театр «Гей-ети» с его прелестными и доступными женщинами.

Виконт весьма разочаровал своего отца тем, что не выказал ни малейшего желания продолжить род и жениться. Собственно говоря, он прилагал все усилия к тому, дабы избежать подобной участи.

– Я не придаю особого значения любви как таковой, – однажды вечером за ужином в особняке лорда Честната заявил Дэвид своим приятелям. – Вполне естественно, каждый должен получать от жизни удовольствие. Но женитьба? Это для глупцов, лишенных права выбора в данном вопросе.

Собравшиеся за столом лорды, графы и баронеты с умудренным видом покивали головами, при этом все до единого в свое время заключили «выгодные» браки, что отнюдь не мешало им искать развлечений в объятиях других женщин.

Виконт сел в собственный экипаж и зевнул, радуясь хотя бы тому, что поездка от Ганновер-сквер до Саут-Одли-стрит будет недолгой. Он уже мечтал о своей уютной постели в доме, приобрести который ему позволил его скромный доход.

«Ах, если бы только отец не решил наказать меня», – подумал он.

Дэвид изрядно огорчился из-за того, что отец на корню пресек его надежды возродить и отремонтировать заброшенный особняк, о котором ему рассказал лорд Чалмерс.

После того как молодой человек отказался связать себя узами брака с наследницей баснословного состояния Мерриоттов, отец выказал ему свое неудовольствие тем, что сократил его содержание, одновременно запретив деду виконта вмешиваться и восполнять недостаток в доходах любимого внука.

– Дед всегда был готов помочь мне возобновить карьеру архитектора, и тот дом, о котором говорил Чалмерс, прекрасно подошел бы для этой цели, – пробормотал он себе под нос. – Пожалуй, стоит нанести визит дедушке завтра, а вдруг удастся переубедить его и он окажет мне содействие. Ведь отец не узнает об этом, значит, деду ничего не грозит.

В сердце виконта затеплилась надежда, и он откинулся на спинку сиденья, позволяя равномерному колыханию экипажа убаюкать себя. Молодой человек даже не заметил, как заснул. Когда они наконец прибыли на Саут-Одли-стрит, в душе его царил покой, какого он не знал на протяжении вот уже многих недель.

* * *

На следующее утро Хоскин, камердинер виконта, побрил его и помог одеться.

– Вы будете завтракать, милорд?

– Не сегодня, Хоскин. Я намерен нанести визит своему деду и потому готов довольствоваться чашечкой горячего кофе.

Камердинер закончил туалет хозяина, а виконт едва ли не залпом проглотил кофе, после чего надел шляпу и легкое пальто, поскольку денек выдался теплым и солнечным.

Мысленно он по-прежнему то и дело возвращался к заброшенной усадьбе, которую, по словам Чалмерса, выставили на продажу, – брошенный за ненадобностью, обветшалый особняк эпохи короля Якова I⁵ на окраине Бирмингема с большим участком земли и даже рекой, протекающей по нему.

«Это даст мне возможность доказать самому себе, что я все еще могу разрабатывать замечательные современные проекты», – сказал он себе, приподнимая шляпу и здороваясь с леди Каслфорд, дамой, проехавшей мимо в открытом ландо, направлявшемся в Гайд-Парк.

Приближаясь к Гросвенор-плейс, виконт ускорил шаг.

«Очень надеюсь, что дед и впрямь сможет предоставить мне те средства, в которых я нуждаюсь», – подумал он, торопливо шагая по Гросвенор-Крещент к импозантному особняку в дальнем углу Белгрэйв-сквер.

Вскоре он уже крутил ручку резного медного колокольчика, ожидая, чтобы Бейтс, дворецкий деда, отворил ему дверь.

---

⁵ Яков I Английский, он же Яков (Иаков) VI Шотландский (1567–1625) – король Шотландии и первый король Англии из династии Стюартов. Был первым государем, правившим одновременно обоими королевствами Британских островов. Великобритании как единой державы тогда еще юридически не существовало, Англия и Шотландия представляли собой суверенные государства, имевшие общего монарха. (Примеч. ред.)

Но вот наконец тяжелые створки распахнулись, и Бейтс оживленно приветствовал виконта:

– Милорд! Его светлость будет счастлив видеть вас. Он сейчас в столовой, завтракает. Прикажете поставить еще один прибор?

– Это было бы весьма кстати, Бейтс. Благодарю вас.

Дэвид направился к столовой и вошел, не дожидаясь, пока дворецкий объявит о его приходе. Маркиз Олдерберри был занят тем, что срезал верхушку яйца, вздыхая над каким-то заголовком в газете.

– Дэвид, рад тебя видеть! – воскликнул он. – Эта бурская война – совершенная бессмыслица, – добавил, кивая в сторону газеты, лежавшей перед ним на столе. – Опять что-то созревает.

Виконт вздохнул:

– Военные вопросы не интересуют меня. Кое-кто из моих приятелей по Кембриджу теперь как раз находится там, и они пишут мне, что это – чертовски грязное дело.

Он опустил на стул, который придвинул ему Бейтс.

Дед Дэвида предпочитал обильный завтрак, и потому на буфете, по обыкновению, стояло множество разнообразных яств.

– Что вам положить, милорд?

– Жаркого из риса с рыбой и гренок, будьте любезны, Бейтс.

– Итак, чему я обязан такой честью, молодой человек? Обычно ты не устаиваешь меня своим присутствием в столь ранний час. Подозреваю, кто-то подтолкнул тебя нанести этот визит или, возможно, что-то стало его причиной.

Виконт рассмеялся, и в смехе его слышались любовь и уважение.

– Не в бровь, а в глаз. Вы проницательны, как всегда, дедушка. Да, мне нужно кое-что обсудить с вами.

– Что ж, спрашивай, – с улыбкой отозвался старик.

– Дедушка, я буду говорить прямо. Мне нужна крупная сумма денег, чтобы вложить ее в бесхозную заброшенную усадьбу, которая, как мне наметили, только что была выставлена на продажу. По моему скромному разумению, это тот самый проект, коим я действительно мог бы заняться.

– Ты намерен использовать по назначению все то, чему тебя учили в Кембридже?

– Да, я устал от своего образа жизни и полагаю, пришло время вновь вернуться к архитектуре. Тедди Чалмерс говорит, место там – просто чудесное, а для человека с предпринимательской жилкой – так и вообще кладезь возможностей.

– Твои намерения заслуживают восхищения, Дэвид, и я рад, что ты решил заняться таким достойным проектом, однако, боюсь, твой отец связал мне руки в том, что касается возможности предоставления тебе необходимых средств.

– Я знаю, он сказал вам, чтобы вы ничего не давали мне, но ведь не может же он запретить вам распоряжаться собственными деньгами? – осведомился виконт, ковыряясь вилкой в жарком из риса с рыбой и пряностями.

– Мой сын – злопамятный упрямый человек. Он связал мои ликвидные активы и свободные средства, так что у меня попросту и близко нет той суммы, которая бы тебя устроила. Мне очень жаль, Дэвид, и если бы я мог помочь тебе, то сделал бы это без промедления. Но твой отец по-прежнему очень зол на тебя из-за той злосчастной девчонки Мерриоттов.

Виконт отложил в сторону вилку, окончательно лишившись аппетита.

– Отец, – прошипел он сквозь стиснутые зубы. – Сначала он жалуется, что я веду никчемный образ жизни, а потом, когда хочу взяться за настоящее дело и составить себе имя, сует мне палки в колеса.

– Он не отступится, Дэвид, и мне очень жаль, что я не могу помочь тебе. Но разве ты больше не можешь обратиться к кому-нибудь другому?

– Только не за такой крупной суммой, дедушка. Это было бы неправильно. А банк полностью подпал под влияние отца и не одолжит мне ни пенни. Он вполне успешно лишил меня свободы действий, если я не дам согласия на брак.

– Мне очень жаль, – вздохнул старый маркиз. – Я поговорю с ним о тебе, однако не стал бы возлагать большие надежды на то, что он передумает. Если уж он принял решение, то сам Господь Бог не заставит его свернуть с избранного пути!

Виконт одним глотком осушил свою чашечку с кофе и отшвырнул салфетку.

– Какая досада! Не хочется упускать столь прекрасную возможность, – сказал он. – А теперь позвольте оставить вас в покое. Бабушка дома?

– Нет, она уехала к друзьям в Брайтон и вернется лишь ближе к вечеру.

– В таком случае передайте ей мои наилучшие пожелания. Не смею вас больше задерживать.

Поднявшись, Дэвид почтительно пожал деду руку, а затем принял у застывшего наготове Бейтса шляпу.

Виконт решил прогуляться в Грин-парке и уже направился было к Букингемскому дворцу, но, не успев сделать и нескольких шагов, заметил, что навстречу ему идет не кто иной, как его собственный отец.

Глубоко вздохнув, Дэвид внутренне подобрался, готовясь к неизбежному неприятному разговору. Взаимоотношения отца с сыном оставались чрезвычайно натянутыми, и он понимал – очередной разговор окажется не из легких.

Заметив идущего навстречу сына, граф на мгновение приостановился, но потом решительным жестом скрутил газету в трубочку и двинулся вперед. На лице его появилось угрюмое, настороженное выражение.

– Дэвид, – сказал он, поравнявшись с виконтом, – что ты здесь делаешь?

– Ходил навестить деда, – ответил тот, ожидая неизбежной вспышки гнева.

Отец его не разочаровал.

– Ты сделал *что*? – взорвался граф, и лицо его побагровело. – Я же тебе говорил, чтобы ты держался от него подальше и не докучал ему своим попрошайничеством, сопляк ты неблагодарный!

– Но, отец, я надеялся возобновить свою карьеру архитектора и нашел усадьбу, на которой смог бы продемонстрировать свои способности любому...

Граф ухватил сына под руку и потащил его за собой в сторону Белгрэйв-сквер.

– Ты сейчас же пойдешь со мной и попросишь прощения за то, что опять надоедал ему своими просьбами.

– Отец, перестань обращаться со мной как с несмышленным ребенком, – взмолился виконт, пытаясь избавиться от крепкой отцовской хватки.

На следующий день рождения ему уже должно было исполниться тридцать, но отец вел себя так, словно сын по-прежнему оставался десятилетним мальчишкой. Кроме того, будучи единственным ребенком, Дэвид вынужден был взвалить на себя ответственность за все ожидания и планы в отношении семейства Кеннингтонов.

«Эх, если бы жива была мама, – подумал виконт, против воли возвращаясь в дом деда. – Она всегда поддерживала меня».

Однако его мать умерла вскоре после окончания сыном Кембриджа. Она заболела брюшным тифом, ухаживая за бедняками в лондонском Ист-Энде, и, не отличаясь крепким здоровьем, скончалась всего через несколько недель после заражения.

Вскоре они прибыли к дому маркиза. Бейтс поразился, узрев на пороге графа с виконтом.

Не дожидаясь ответа, граф протиснулся мимо дворецкого, и виконт безропотно последовал за ним.

– Отец! – закричал граф. – Где вы?

Старый маркиз шаркающей походкой вышел в холл, по-прежнему держа в руке газету. Судя по его виду, он только что закончил завтракать.

– Дэвид, – отозвался он, ведь графа звали точно так же, как и его внука.

– Отец, я как раз собирался навестить вас, когда встретил на улице этого негодяя, тайком удирающего из вашего дома. Я уже устал повторять ему, чтобы он не смел докучать вам, и теперь крайне разочарован тем, что он вздумал послушаться меня.

– Дэвид, выслушай мальчика. У него появился шанс стать достойным человеком и прославить нашу фамилию.

– Вздор! Он пришел в поисках денег для игорных домов. Не считайте меня глупцом, который не знает, где его сын проводит почти все свое время. Вы ведь не поверили тому, что он тут вам наболтал, да?

– Отец, дедушка говорит правду. Тедди Чалмерс по дружбе рассказал мне об одной старинной усадьбе, отлично подходящей для того, чтобы я продемонстрировал свои навыки.

– Это было бы напрасной тратой времени! Ума не приложу, как ты сподобился закончить Кембридж. И мне дорого пришлось заплатить за это.

– Дэвид, не думаю, что мы должны опять ворошить прошлое. У мальчика имелись веские причины, дабы не жениться на этой девчонке Мерриотт.

– А я потерял кучу денег и возможность заключить деловое партнерство, сулившее мне чудесные перспективы, только из-за того, что он не счел, видите ли, ее достойной внимания. Молодой болван! Объединившись, два наших семейства стали бы самой могущественной силой в графстве.

– Но я вовсе не хотел жениться, отец.

– Мы пришли на эту землю в качестве правящего класса не для того, чтобы выбирать, когда и с кем нам сочетаться браком, – сердито бросил в ответ его отец. – Есть куда более значимые соображения, например, лояльность к собственной семье. Соображения, о коих ты, похоже, забыл в своей жизни, в которой для тебя имеют значение лишь собственные удовольствия.

– *Немедленно прекратите!* – явно огорченный, воскликнул маркиз. – Я не желаю слушать подобные речи в своем доме.

Однако граф продолжал и далее высказывать недовольство сыном, браня его на чем свет стоит и все больше закипая. Он то и дело тыкал молодого человека в грудь пальцем, а с губ его слетали бранные слова.

– *Прекратите!* – вновь воззвал к ним маркиз слабым голосом.

Бейтс вдруг заметил, что хозяин изменился в лице и начал задыхаться. Лицо его обрело синюшный оттенок, а колени подогнулись.

Поскольку граф стоял к нему спиной, то заметил неладное только после того, как виконт бросился на помощь Бейтсу, чтобы дотащить старика до ближайшего кресла.

– Немедленно пошлите кого-нибудь за доктором! – выкрикнул виконт, ослабляя узел галстука деда. – И поскорее.

Граф, охваченный ужасом, застыл на месте, потеряв дар речи.

– Дедушка! Ты меня слышишь? – Виконт уже опустился на колени рядом со стариком и гладил его по руке.

А маркиз вдруг испустил долгий вздох и скончался на месте.

– Дедушка. Нет! Нет! *Нет!*

– Это ты... убил... его, – пробормотал граф, обессиленно привалившись к стене.

Виконт же уткнулся лбом в колено мертвого деда, изо всех сил стараясь не расплакаться.

Его воспитывали в убеждении, что мужчины не плачут, но разве можно удержаться от слез, если на ваших глазах умирает человек, которого вы любили и уважали больше всех на свете?

– Вставай, болван! – хрипло прокаркал его отец. – Тыставляешь себя на посмешище, когда ревешь как слабая девчонка.

Но виконт оставался подле маркиза до тех пор, пока не прибыл доктор.

– Мне очень жаль, милорд, – сказал он, качая головой. – На вашем месте я бы распорядился перенести его тело в спальню. На обратном пути я заеду к владельцу похоронного бюро и попрошу его немедленно прибыть сюда.

– Благодарю вас, – отозвался виконт, стараясь не дать воли обуревавшим его чувствам. – Это очень любезно с вашей стороны.

– Я должен вернуться домой, чтобы выписать свидетельство о смерти и как можно скорее доставить его вам. Оно понадобится гробовщику и прочим, кто станет заниматься похоронами.

– Разумеется. Еще раз благодарю вас, доктор.

Виконт проводил его до двери, обойдя застывшего в ступоре отца.

Закрыв за доктором дверь, он повернулся к графу.

– Отец...

– Не смей разговаривать со мной и даже не смотри на меня, – прорычал граф глухим голосом, в котором сквозила лютая ненависть. – Ты мне больше не сын!

– Отец, ты расстроен... и сам не понимаешь, что говоришь.

Граф вперил в сына холодный взгляд, и глаза мужчины яростно блеснули.

– Ты убил его. Ты убил его своим эгоизмом! – выкрикнул он. – Убирайся вон отсюда!

Протиснувшись мимо сына, он распахнул входную дверь с такой силой, что та с грохотом ударилась о стену и едва не сбила его с ног, когда он шагнул на порог.

– Смерть деда – на твоей совести. Я никогда не прощу тебя! *Никогда*, слышишь?

С этими словами он сбежал по ступенькам крыльца и выскочил на улицу.

Начался дождь, и на бегу граф низко надвинул шляпу на лицо, оставив потрясенного виконта молча смотреть ему вслед.

Глава вторая

Перемещение из Кале в Дувр оказалось далеко не таким гладким и приятным, как на то рассчитывали Луэлла и ее тетка. Бурное море безжалостно раскачивало пароход, в результате чего обе слегли с приступом морской болезни.

К тому времени как они вошли в порт Дувра, Луэлла была крайне обеспокоена состоянием графини – у той начинался горячечный бред.

– Полагаю, нам лучше переночевать в Дувре и забыть о своих намерениях добраться до Гастингса, – сказала девушка, наблюдая за тем, как двое матросов помогают тетке спуститься с корабля по сходням.

– Нет, мы должны двигаться дальше. Я чувствую в себе достаточно сил, чтобы выдержать долгую поездку в карете.

Луэлла с тревогой взглядела в пепельно-серое лицо графини. Хотя тетке было еще далеко до старости, раньше девушка никогда не видела ее такой немощной и обессиленной. Создавалось впечатление, будто она вмиг состарилась за одну ночь.

Матросы быстро отыскиали для них экипаж, запряженный упряжкой превосходных лошадей, и постарались устроить леди поудобнее, а затем распрощались с обеими дамами.

– Какие любезные джентльмены, – пробормотала графиня, пока Луэлла укутывала ее ноги одеялами.

Снаружи входил в силу очередной теплый июльский денек, но графиню била дрожь и она явно нуждалась в тепле.

Луэлла же, прижимая ладонь к животу, мелкими глотками пила воду из чашки, которую дали ей матросы. Девушка понемногу приходила в себя, в отличие от тетки, негромко стонавшей всякий раз, как экипаж подпрыгивал на ухабах и рытвинах дороги, ведущей в Гастингс.

Полдень уже давно миновал, когда они наконец-то прибыли в пункт назначения. Большую часть путешествия графиня попросту проспала.

Луэлла постаралась окружить тетку вниманием и заботой, да и кучера помогали чем могли, снабдив их бутылкой воды и хлебом с маслом. Но к еде графиня даже не притронулась, ограничившись несколькими глотками воды. Таким образом, именно Луэлле пришлось указать возницам дорогу к конечной точке маршрута – гостинице «Георг» в Баттле, неподалеку от Гастингса.

Это был старый постоялый двор, и поначалу девушка даже опасалась, что им там не понравится. Однако едва они оказались внутри, как их провели во вполне уютные апартаменты, окна которых выходили на аббатство Баттла.

«Наверняка Франк Коннолли не сумеет отыскать нас здесь, – сказала она себе, ожидая, пока хозяин постоялого двора принесет им чего-нибудь поесть. – Ему и в голову не придет искать нас в столь непритязательном месте».

Но тут она сообразила, что он может оказаться здесь проездом, поскольку большинство направлявшихся в Лондон дилижансов действительно останавливались у гостиницы.

– Впрочем, он наверняка не ожидает встретить нас здесь, – пробормотала она, глядя из окна на аббатство. – Тем не менее что-то подсказывает мне: он уже знает о том, что мы покинули Париж, и устремился за нами в погоню. Надеюсь, мы сумеем перехитрить его, ведь я ума не приложу, что делать, если он все-таки отыщет нас.

* * *

После безвременной кончины маркиза для виконта наступили черные дни. Он попытался было нанести визит отцу, чтобы положить конец недоразумениям и разрядить атмосферу, но дворецкий сообщил ему, что хозяина нет дома, и это при том, что Дэвид был совершенно уверен в обратном.

«Ему ведь все равно придется столкнуться со мной лицом к лицу на похоронах», – сказал он себе, возвращаясь пешком на Одли-стрит.

Но по пути назад виконт передумал и вместо этого направился к Белгрэйв-сквер. Его бабушку, вернувшуюся после своего визита в Брайтон, поджидали ужасные известия, и с той поры она была безутешна.

В довершение всего никто, похоже, не мог внятно объяснить ей, при каких именно обстоятельствах с ее супругом случилось несчастье.

Слуги, которым граф строго-настрого приказал держать языки за зубами, воздвигли между собой и нею глухую стену молчания, и маркиза пребывала в крайне расстроенных чувствах.

Виконт, постучав в драпированную траурным крепом входную дверь, стал дожидаться Бейтса.

– Добрый день, милорд, – убитым голосом приветствовал его дворецкий, когда его мрачная физиономия показалась-таки в холле. Виконт обратил внимание на то, что на рукаве у него траурная черная повязка.

– Добрый день, Бейтс. Бабушка дома?

– Да, милорд. Она в библиотеке. Прошу сюда, пожалуйста.

Маркиза сидела в кресле, а на коленях у нее громоздилась куча каких-то бумаг. Завидев внука, она переложила их на пол и встала, чтобы поцеловать его.

– Дэвид! – воскликнула она, с тоской устремив на него взгляд покрасневших глаз. – Как хорошо, что ты зашел.

– Надеюсь, вы не подумали, будто я бросил вас, бабушка. Все дело в том, что отец...

– Да, знаю. Вы по-прежнему в ссоре друг с другом.

– Мне очень жаль. Я пытался увидаться с ним, чтобы как-то смягчить разногласия, но он дал указание своим слугам не пускать меня на порог. Это очень неприятно и обидно, когда тебя держат на ступеньках, словно незваного визитера.

– Твой отец всегда был упрямым ребенком и вырос упрямым мужчиной. Он скорее умрет, чем признает, что был неправ, а уж в том, что касается извинений...

– Я пришел узнать, как вы поживаете.

Пожилая дама тяжело вздохнула и взмахом руки указала на груды бумаг, разложенные повсюду.

– Как видишь, твой дед оставил после себя множество неоконченных дел. Его поверенный пообещал нанести мне визит и помочь разобраться во всем, но пока я решительно не представляю, что мне со всем этим делать.

Губы ее задрожали, и она промокнула глаза носовым платочком с траурной каймой. Но спустя несколько мгновений старушка взяла себя в руки и в упор взглянула на внука.

– Дэвид, ты был здесь... Расскажи мне о том, что произошло.

– Я вовсе не уверен, что должен это сделать, – устало откликнулся виконт. – Если расскажу правду, отец использует мои же слова против меня и добьется того, чтобы я страдал еще сильнее.

– Дорогой мой, я спрашиваю у тебя, есть ли что-нибудь такое, что мне следует знать.

– Ладно. У нас с отцом вспыхнула ссора, отчего дедушка очень огорчился. Не успели мы опомниться, как он осел на пол, держась за грудь.

Несколько мгновений маркиза обдумывала слова внука, после чего сказала:

– Благодарю тебя, Дэвид. Нечто в этом роде я и подозревала. Ты ведь знаешь, что у твоего деда всегда было слабое сердце. Просто чудо, что он дожил до таких лет. Доктора давным-давно предупреждали его о близости конца.

– Значит, вы не вините меня?

– В смерти твоего деда? *Нет*, – она покачала головой. – Сердечный приступ могло вызвать малейшее напряжение – например, известие о том, что одна из его лошадей не выиграла скачки в Дерби или что его инвестиции опустились до минимальных значений.

Виконт схватил руку маркизы и поцеловал ее.

– Спасибо вам, бабушка. Отец, разумеется, винит в случившемся меня и поэтому отказывается принимать.

– Он глупец, пусть даже и мой сын. Ты его единственный ребенок, которому следовало бы утешить его и поддержать в это ужасное время.

– Раз вы не питаете ко мне неприязни, бабушка, то уж его остракизм⁶ я как-нибудь переживу.

– Он смягчится, просто для этого ему нужно время. Ему вечно надо сорвать на ком-нибудь свое раздражение, и на сей раз под руку подвернулся ты. Держись, Дэвид, не падай духом. Завтра на похоронах ты всем нам будешь очень нужен.

– Поверенный говорит, что погребение состоится в Кензал-Грин, а не в семейной церкви в Хартфордшире. Это немного странно, вы не находите?

Маркиза сделала глубокий вдох, и он вдруг понял, что ее беспокоит кое-что еще.

– Таковой была последняя воля твоего деда, поэтому, будучи ему верной женой, я не желаю послушаться своего супруга даже в смерти. А теперь ты должен извинить меня, Дэвид.

По щекам бабушки обильно заструились слезы, отчего виконт ощутил сильнейшее смятение.

«Она что-то недоговаривает», – подумал он, принимая у Бейтса свою шляпу и выходя из дома, окна на фасаде которого были плотно закрыты ставнями.

* * *

На следующий день, собираясь на похороны, виконт понял, что его одолевают дурные предчувствия.

Похоронная процессия должна была отправиться с Белгрэйв-сквер в одиннадцать часов, а вслед за погребением в конторе поверенного намечалось оглашение завещания.

Прибыв в дом деда, виконт подошел к близким родственникам покойного, дабы занять среди них свое место. Ему сообщили, что для него подготовлен один из экипажей, нанятых для поездки в Кензал-Грин. Уязвленный до глубины души, он, впрочем, ничем не постарался выдать своей обиды.

Издали Дэвид отыскал взглядом отца, но тот сделал вид, будто не замечает его.

Наконец распорядитель объявил, что наступило время выезжать.

Глядя на драпированный бархатом гроб в огромном прозрачном катафалке, украшенном черными траурными лентами, виконт едва сдержал слезы.

Ему понадобились все его душевные силы, чтобы не разрыдаться прямо на виду у собравшихся.

---

⁶ Остракизм – гонение, преследование, травля.

Распорядитель неспешно занял свое место впереди шестерки вороных коней. Процессия начала движение. Маркиза с графом ехали в черном ландо сразу же за катафалком.

Двое верховых на лошадях, укрытых попонами фамильных цветов, пара носильщиков, держащих над головами черные доски, утыканные траурными страусовыми перьями, и многочисленные пажи в черном, на шляпах которых тоже были узкие траурные ленты, торжественным и печальным маршем двинулись вокруг Белгрэйв-сквер.

С одной стороны к катафалку были прикреплены щиты с фамильным гербом маркиза, увенчанным двумя коронами, и, если бы они не украшали собой похоронный экипаж, их роскошную оковку можно было бы счесть броской, даже вызывающей.

Карета виконта оказалась едва ли не в самом конце процессии. Прохожие и зеваки выстраивались вдоль тротуара, чтобы поглазеть на траурное шествие.

Стоило процессии достичь Гайд-Парк-Корнер, как распорядитель запрыгнул на облучок своего катафалка и траурное шествие повернуло в сторону Северного Кенсингтона, постепенно набирая ход.

Проходящие мимо люди останавливались, снимая шляпы и склоняя головы в знак уважения. Лондон давненько не видывал таких роскошных, величественных похорон.

Вскоре они прибыли в Кензал-Грин. После короткой службы в часовне, где многим из пришедших пришлось остаться снаружи, гроб торжественно понесли к месту последнего упокоения графа.

Виконт скользнул взглядом по массивной усыпальнице, вздымавшейся перед ними. Она находилась в двухстах ярдах от знаменитой могилы принцессы Софии и производила весьма скромное впечатление, если не считать мощных колонн, расположенных по ее углам.

Откровенно говоря, виконт даже ощутил прилив гордости оттого, что его дед выбрал столь неброский монумент.

Ведь у представителей старшего поколения вошло в моду обустривать пышные и броские склепы еще в те времена, когда «Кладбище всех душ», или «Белгравию упокоенных», как называли Кензал-Грин, только-только создавали.

Тем не менее одного из самых выдающихся аристократов страны вот-вот должны были предать земле в усыпальнице, которую считал бы недостойной себя даже торговец, не говоря уже о маркизе.

«Ох, отец, не пренебрегай мною, – думал виконт, сердце коего разрывалось от горя. Всякий раз, когда он пытался поймать взгляд отца, граф попросту отворачивался. – Почему тебе обязательно нужно все усложнять?»

Священник затянул последние строки погребальной молитвы, и мужчины, несущие гроб, замерли у открытой двери.

Смаргивая слезы, виконт уставился на архитрав⁷ над дверью, где было начертано чье-то имя. Прищурившись и напрягая зрение, он попытался разобрать надпись.

Она гласила: «*Le Fevre*».

«Ле Февр?» – подумал виконт.

Быстро подойдя к мавзолею сбоку, он протиснулся сквозь толпу, чтобы прочесть немудреную надпись.

*Моей любимой Марии-Анетте Ле Февр, покинувшей этот мир 26
января 1891 года.*

Под надписью в камне был высечен ангел с голубкой, несущей в клюве траурную ленту и возносящейся на небеса.

---

⁷ Архитрав – нижняя горизонтальная часть антаблемента (балочного перекрытия пролета или завершения стены), балка, лежащая на капителях колонн либо пилястр и являющаяся его основанием. (Примеч. ред.)

Смысл и значение надписи с рисунком были просты и понятны виконту. Речь шла о женщине, которую несомненно боготворил и обожал его дед! Более того...

– Она не была моей бабушкой, – едва слышно выдохнул он.

Озадаченный и сбитый с толку, Дэвид вернулся на прежнее место. Голова у него шла кругом, а земля уходила из-под ног.

Ему срочно нужно было на кого-то опереться, и он коснулся плеча одной из своих младших кузин, а та резко обернулась, словно насмерть перепуганный кролик.

– Дэвид, – негромко и с укоризной обратилась она к нему. – Что с тобой?

– Прости меня, Арабелла, – ответил он, чувствуя, как на него накатила тошнота и на лбу выступил холодный пот. – У меня вдруг закружилась голова.

– Дэвид, бедняжка, – прошептала она. – Вы с дедушкой были очень близки, не так ли? Должно быть, для тебя его смерть стала настоящим потрясением.

Кто-то в толпе прошипел, чтобы они придержали языки, но колокольный звон заглушил все звуки.

Гроб опустили на каменную полку внутри усыпальницы.

Виконт не вошел внутрь, чтобы встать рядом со своими отцом и бабушкой. Он держался немного поодаль от входа, спрашивая себя, кем, ради всего святого, была эта Мария-Анетта Ле Февр и почему она занимала такое место в сердце деда, что он отважился на ужасный скандал, завещав похоронить себя рядом с ней.

Виконт прекрасно отдавал себе отчет в том, что скоро об этом будет говорить весь Лондон, а гордое имя их семьи смешают с грязью и покроют позором.

Наконец церемония завершилась. Оживленное покачивание черных траурных шляпок недвусмысленно подсказало виконту, что он не единственный, кто заметил имя на боковой стене усыпальницы.

«Вот почему бабушка была так расстроена вчера», – подумал Дэвид, возвращаясь к своему экипажу.

Он приказал кучеру немного подождать, пока толпа не рассеется, после чего велел как можно быстрее отвезти себя в Холборн.

* * *

На протяжении следующих нескольких дней гостиница «Георг» стала для Луэллы и графини истинным прибежищем. Состояние здоровья тетки отнюдь не улучшилось, что внушало девушке непреходящую тревогу.

Владелец оказался достаточно любезным и послал за местным доктором, сделавшим все, что было в его силах, однако, похоже, эскулапа куда больше интересовала перспектива спуститься вниз и наполнить элем свою кружку, нежели облегчить состояние тетки Эдит.

Девушка отчаянно сожалела о том, что у нее нет поблизости подруги, за которой она могла бы послать, но, к несчастью, они находились за много миль от Шотландии.

Кроме того, над ней, словно дамоклов меч, нависала мрачная тень угрозы, исходящей от Франка Коннолли.

Как следствие, из гостиницы она выходила только в случае крайней необходимости, а все остальное время сидела и читала в очень маленькой гостиной, примыкающей к их спальням.

Но однажды, бесцельно сидя у окна, она пришла в сильнейшее волнение, увидев вдруг на пороге графиню, которая неуверенно держалась на ногах.

– Тетя Эдит, почему вы встали с постели?

– Это бесполезно, Луэлла. Я больше не могу оставаться там ни минуты. Ты не могла бы попросить хозяина принести мне вареное яйцо? А после распорядись, чтобы он подыскал нам экипаж, идущий на запад.

– Вы что, намерены продолжить наше путешествие?! – в ужасе вскричала Луэлла.

– Мы пробыли здесь достаточно долго, и я пообещала себе, что, как только окажусь в силах встать на ноги, мы немедленно уедем отсюда.

Несмотря на все старания Луэллы, переубедить тетку ей не удалось. С большой неохотой девушка сошла вниз, попросила подать в номер яйцо и заказала экипаж на запад.

Возвращаясь обратно, Луэлла в отчаянии качала головой.

«Если с тетей Эдит что-нибудь произойдет, мне останется винить во всем лишь себя саму, – подумала она, устало поднимаясь по лестнице. – Пожалуй, я бы даже предпочла встретиться с Франком Коннолли, чем дать ей проститься с жизнью из-за меня!»

* * *

К тому моменту как виконт прибыл к конторе поверенного, экипаж графа уже стоял там.

Когда молодой человек выходил из кареты, мимо промчалось авто, едва не сбив его с ног. Но Дэвид вовремя услышал рев клаксона и успел отскочить в сторону.

– Черт возьми! Еще немного, и мне пришел бы конец, – вскричал он, глядя вслед самоходному экипажу, удаляющемуся в клубах пыли.

Про себя же молодой человек подумал, что эти механические чудовища начинают заполнять улицы Лондона.

Откровенно говоря, виконт уже прикидывал, а не купить ли и себе одного из таких монстров в выставочном зале на Беркли-сквер. Но это было, естественно, еще до того, как отец до минимума сократил ему вспомоществование. Так что теперь средств Кеннингтона едва хватало на то, чтобы платить жалованье слугам.

Его ждали в просторном кабинете мистера Браунлоу. Отец с непроницаемым ликом сфинкса устроился в самом дальнем от двери углу, в то время как бабушка попыталась выдавить из себя улыбку, больше походившую на гримасу.

В комнате находились и несколько дальних родственников, которых виконт видел лишь на семейных сборищах.

«Хищники», – подумал он, кивком приветствуя собравшихся.

– Ну что, теперь вроде бы все на месте? – осведомился мистер Браунлоу. – Милорд?

– Можете начинать, мистер Браунлоу, – лишенным каких-либо эмоций голосом отозвался граф.

Поверенный поправил очки, сделал глубокий вдох и начал читать: «...Своему сыну Дэвиду я завещаю особняк на Белгрэйв-сквер, дом в Чалфонте и основную часть моего состояния при условии, что моей супруге Эммелин будет дозволено проживать в нем и получать от него содержание до конца ее дней».

Граф коротко кивнул, словно удовлетворившись услышанным, и сделал попытку встать на ноги.

– Прошу прощения, милорд, но это еще не все...

Граф взглянул на поверенного, вопросительно приподняв брови.

– Не все?

– Да, милорд. Я могу продолжать?

– Разумеется.

– «...Своему внуку Дэвиду я завещаю поместье Торр-Хаус в Бидефорде, Северный Девон, вкупе со стипендией, каковую следует использовать исключительно для восстановления поместья, дабы превратить его в самый роскошный и красивый дом во всей округе».

– Что это за дом? – воскликнул граф, не дав виконту возможности хотя бы открыть рот. – Я не знаю никакого дома в Девоне!

Вскочив на ноги, он с угрожающим видом навис над письменным столом мистера Браунлоу.

– Этот дом – собственность вашего отца. Хм, точнее, был ею. Вот, взгляните, у меня здесь есть купчая крепость⁸ на него.

Мистер Браунлоу предъявил графу лист пергамента, исписанный готическим рукописным шрифтом. Граф принял его с таким видом, словно не верил своим глазам. Прочтя несколько строк, он швырнул его на стол.

– В чем дело, Дэвид? – спросила маркиза. – Если это каким-то образом касается *той женщины*, то я хочу знать все.

В комнате повисла такая напряженная тишина, что все застыли, боясь пошевелиться.

– Прошу всех, за исключением моей матери и сына, покинуть помещение, – стиснув зубы, промолвил граф.

– *Однако*, – вырвалось у кого-то из кузенов.

А у виконта вдруг возникло нехорошее предчувствие, что он знает, кому принадлежал дом.

Когда он был еще ребенком, дед часто уезжал в графства, расположенные к юго-западу от Лондона, чтобы, по его словам, пострелять или поохотиться, и возвращался лишь несколько недель спустя.

Дэвид никогда не ставил под сомнение причину столь длительного отсутствия деда, поскольку многие благородные семейства покидали Лондон во время сезона охоты на фазанов или же на Троицу. Разве не было все это одним из видов принятого в обществе времяпрепровождения?

И только теперь на него снизошло ужасающее прозрение.

«Должно быть, у дедушки была любовница», – сказал он себе, когда мистер Браунлоу закрыл дверь за последними родственниками.

Поверенный откашлялся, заметив, что граф в ярости уставился на него.

– Соблаговолите объяснить, что все это значит? Мне ровным счетом ничего не известно о каком-либо поместье в Девоне, а ведь этот человек *был* моим отцом.

Он вновь угрожающе навис над столом, но поверенного подобное поведение, похоже, ничуть не смутило.

– Дорогой, присядь, прошу тебя, – негромко промолвила маркиза. – Все в порядке, мистер Браунлоу. Я прекрасно осведомлена о другой жизни моего супруга.

– Другой жизни! – заорал граф. – Что это за другая жизнь? И почему я ничего не знаю о ней?

– Твой отец не хотел, чтобы ты узнал об этом. Он полагал, так будет лучше.

– Мама, как ты можешь спокойно сидеть и говорить такие вещи? Этот человек оказался прелюбодеем, нарушившим брачный обет. А теперь еще и это. Браунлоу, здесь какая-то ошибка. Вы уверены, что сей дом порока не должен быть выставлен на продажу с последующей передачей мне вырученных средств?

---

⁸ Купчая крепость (*устар.*) – нотариальный договор о купле-продаже недвижимого имущества, а также о праве на владение им. (*Примеч. ред.*)

– Боюсь, его милость выразил свою волю совершенно недвусмысленно, милорд. Я собственноручно засвидетельствовал завещание. Поместье Торр-Хаус отходит вашему сыну, Дэвиду.

– Это неслыханно! – заорал граф, замахиваясь на бедолагу тростью. – Мало того, что моя мать прилюдно была унижена разглашением грязной мелкой интриги моего отца, ставшей известной всем и каждому на его похоронах, так теперь еще и поместье этой блудницы переходит моему сыну. Я настаиваю на том, что оно должно быть продано, а всякая память о нем – стерта из истории нашей семьи.

– Это невозможно, милорд. Разве что, разумеется, виконт Кеннингтон пожелает продать его. Хотя должен подчеркнуть, что коль он вздумает поступить подобным образом, то денег не унаследует, да и, поскольку оно практически нежилое, много выручить за него не удастся.

Глаза графа от ярости вылезли из орбит.

– Идем отсюда, мама! Мы выслушали достаточно, – в бешенстве выкрикнул он. – Браунлоу, я намерен оспорить эту пародию на завещание. Оно бросило тень на доброе имя нашей семьи, и от него следует избавиться немедленно, как и от того проклятого дома.

Он буквально выдернул свою плачущую мать из кресла и вытолкнул ее за дверь, не удостоив мистера Браунлоу ни взгляда, ни доброго слова на прощание.

Когда дверь с грохотом захлопнулась за ними, виконт шумно выдохнул.

– Извините за столь неподобающую вспышку моего отца. Он пребывает в крайне расстроенных чувствах, как и все мы.

Мистер Браунлоу сочувственно кивнул, поджал губы и заметил:

– Смерть близких выявляет в людях не лучшие черты. Но ваш дед совершенно недвусмысленно выразил свою волю в том, что дом должен отойти вам. Я знаю, он надеялся, что вы сможете превратить его в нечто выдающееся, возродив свою страсть к архитектуре. Вот почему и оставил вам именно этот посмертный дар.

Виконт, поднявшись, пожал мистеру Браунлоу руку. Когда он уже собрался уходить, поверенный окликнул его.

– Милорд, вам понадобится вот это, – сказал он, подавая ему большую связку ключей. – В поместье проживают двое слуг, которые покажут вам дом и вообще будут очень рады видеть вас. Постарайтесь не подвести ни их, ни вашего деда.

Он протянул виконту свою старческую руку, и тот тепло пожал ее.

Спустя несколько мгновений молодой человек обнаружил, что стоит на тротуаре, по-прежнему сжимая в кулаке тяжелую связку ключей.

Он покрутил их в ладони, два больших ключа с вычурными рукоятками и еще несколько поменьше. Толстое черное железо покрылось патиной ржавчины, перепачкавшей его перчатки из свиной кожи.

– Торр-Хаус, – пробормотал виконт, спрашивая себя, как же выглядит поместье. – Дедушка, *я не обману твоих ожиданий*. Даже если особняк превратился в руины, я выполню твою просьбу.

Запрокинув голову к небу, Дэвид зажмурился, стараясь не давать волю чувствам, и решительно зашагал к ожидающему его экипажу.

Глава третья

Вернувшись домой, виконт погрузился в депрессию, избавиться от которой ему удалось лишь через несколько дней.

Долгими часами он сидел, вращая в руке связку ключей от особняка Торр-Хаус, при этом не сводя отсутствующего взгляда с состаренного временем металла, и раздумывал над последней волей деда.

После оглашения завещания мистер Браунлоу переслал ему кое-какую корреспонденцию, что позволило виконту составить определенное представление о поместье.

В нем имелись двое слуг: Корк – дворецкий и экономка – миссис Корк, поддерживающие особняк в надлежащем состоянии, хотя поверенный особо подчеркнул, что сами они проживают в отдельном небольшом доме, поскольку особняк отчаянно нуждается в ремонте и реставрации.

«...Ваш дед покинул особняк после смерти мадам Ле Февр и заявил, что не может больше бывать там, где все напоминает ему о ней, – писал поверенный. – В результате ремонтные работы проводились лишь в минимальном объеме. Крышу подлатали после урагана, случившегося пять лет назад, но этим все и ограничилось. Вы получите в свое распоряжение сумму в двадцать пять тысяч фунтов с годовым доходом в пять тысяч фунтов при условии, что будете проживать в особняке никак не менее трех месяцев кряду».

«Наверное, дед очень сильно любил свою француженку, – подумал виконт, вспоминая, к каким ухищрениям прибегал маркиз, чтобы поддерживать эту внебрачную связь. – Но, скорее всего, они с бабушкой поженились отнюдь не по любви. Учитывая, что он был наследником огромного состояния и громкого титула, его родители, вполне естественно, искали возможность заключить выгодный альянс».

Бабушка Дэвида являлась дочерью графа, и потому брак двух известных и могущественных фамилий позволил обеим сторонам обрести дополнительные преимущества. Хотя у нее был брат, она унаследовала от матери всю ее собственность и состояние, которое еще больше обогатило семейство.

Но любовь?

Виконт, покачив головой, произнес:

– Хотя бабушка, совершенно очевидно, любила деда, я никогда не был уверен в том, что он отвечал ей взаимностью. Уважение и восхищение – да, но страсть? Нет. Он нашел ее в объятиях своей француженки, несомненно.

Отложив в сторону письмо мистера Браунлоу, Кеннингтон невидящим взглядом уставился в окно своего кабинета.

Маленький сад утопал в цвету, и молодой человек машинально отметил, что розы в этом году хороши, как никогда.

Мысль о том, что он сможет наслаждаться видами сада на фоне куда более великолепного пейзажа, заставила его принять решение.

Кроме того, перед ним маячила реальная перспектива оставить собственный след в истории поместья Торр-Хаус.

Из глубокой задумчивости виконта вывел Хоскин, осведомившийся, что его хозяин желает надеть в клуб «Реформа», где должен состояться ужин, назначенный на нынешний вечер.

– Я не пойду туда, – решительно отрезал виконт. – Начинайте укладывать мои вещи. Мы уезжаем в Девон.

– В Девон, милорд?

– Да, Хоскин. Я хочу, чтобы вы сошли вниз и собрали всех слуг. Через пятнадцать минут я буду готов сделать объявление. Скажите им, пусть не беспокоятся – своего места не лишится никто. Для реализации того, что я задумал, мне понадобится каждая пара рук.

Камердинер поклонился и вышел из комнаты.

Виконт же вновь взял в руки письмо мистера Браунлоу и опять бегло просмотрел купчую крепость.

В ней имелась фотография усадьбы, сделанная в те дни, когда особняк считался самым известным домом в округе. Высокие дымовые трубы в стиле короля Якова с колпаками и мозаичные окна придавали ему вид состаренного благородного достоинства, в то время как дубовые рамы резко контрастировали с кирпичами насыщенного красного цвета, сулившими скорее домашний уют и не отличавшимися строгим великолепием.

«В таком доме должны звучать детские голоса», – сказал себе виконт и тут же удивился тому, что подобная мысль могла прийти ему в голову.

Отложив в сторону фотоснимок, он взял в руки альбом для рисования и быстро набросал общие очертания особняка. Покончив с этим, добавил к нему новое крыло слева и оранжею справа.

«Какая жалость, что в моем распоряжении нет вида сзади», – подумал он, но тут его отвлек стук в дверь – это вернулся Хоскин с сообщением, что слуги готовы и ждут.

Встав со стула, виконт вышел в холл сообщить им о своем решении.

– Мне нужно, чтобы двое слуг остались в Лондоне и присматривали за домом, – сказал он. – Если кто-нибудь добровольно выразит подобное желание, это избавит меня от ненужных хлопот.

Вперед тут же вышли дворецкий Беллами и его супруга-экономка.

– Отлично, я надеялся, это будете именно вы. Итак, через несколько дней мы отправляемся в Девон, и потому будьте готовы забрать свои вещи с собой. Вы поедете в Девон на поезде, а с вокзала вас отвезут в усадьбу. Как только я узнаю какие-либо подробности, сразу сообщу их всем вам.

Слуги потянулись к выходу из холла, чтобы вновь вернуться к работе. Виконт знал – следующие несколько дней пролетят очень быстро, и потому намеревался зарисовать как можно больше своих идей и предложений.

«Я выполню волю деда, – поклялся он себе, вновь всматриваясь в красно-коричневый снимок. – Я сделаю так, чтобы он гордился мною там, на небесах, пусть даже мой собственный отец отказывается признавать сам факт моего существования!»

* * *

Виконт все-таки предпринял еще одну попытку повидаться с отцом, правда, успехом она не увенчалась. Зато он столкнулся в фойе «Клариджа» с собственной бабушкой, которая пила там чай после полудня, тут у них и состоялся оживленный разговор.

– Мне очень жаль, что у тебя опять обострились отношения с твоим отцом, – вздохнула она. – Несколько раз я пыталась поговорить с ним, но он не желает меня слушать. Он просто отворачивается или выходит из комнаты.

– Пока дело не дошло до открытых препирательств, бабушка, я преспокойно переживу его равнодушие.

– Это не равнодушие, дорогой мой. Возможно, он и не склонен много говорить, но чувства у него к тебе остались прежними. К несчастью, упрямство неизменно берет над ним верх.

– Бабушка, полагаю, что обязан сообщить тебе: в конце недели я намерен отправиться в Девон.

Она замерла в кресле и поджала губы. Голос ее, когда она заговорила, прозвучал размеренно, и Дэвид не смог уловить в нем ни намек на ее истинные чувства.

– Ты должен поступить так, как хотел твой дед, – спокойно отозвалась графиня. – Он желал, чтобы ты оживил свою любовь к архитектуре, и тебе представляется прекрасная возможность для этого. Кроме того, данный проект позволит тебе заявить о себе, поскольку мне стало известно, что твой отец опять урезал твое содержание.

– Да. Буду с вами откровенен, бабушка. Если бы дедушка не оставил мне деньги на особняк и не выделил вспомоществование, я был бы вынужден продать Саут-Одли-стрит и переселиться в свой клуб. В конце концов, джентльмен всегда может получить кредит.

– Ты не сделаешь ничего подобного! – вскричала маркиза. – Если твое положение осложнится, обещаю, что обратишься ко мне.

– Я бы не посмел и подумать об этом, – ответил он, накрывая ее руку своей. – А теперь позвольте проводить вас к экипажу. У меня появились довольно-таки приятные дела в Мэй-фэйр.

Проводив маркизу до ее кареты, виконт, дабы приобрести автомобиль, направился в гараж, размещенный в бывших конюшнях позади Беркли-сквер.

Он слышал о том, что нового короля прокатали на «даймлере», и Кеннингтону захотелось взглянуть на авто собственными глазами.

В «Вестминстер Газетт» Дэвид нашел как раз то, что было ему нужно, а совершив покупку, последовал полученным рекомендациям и обратился в агентство, предоставлявшее услуги шоферов, после чего нанес визит в их контору на Мэддокс-стрит.

В агентстве владелец радушно принял его, и уже через полчаса виконт нанял одного чрезвычайно жизнерадостного малого по имени Беннет, который до недавнего времени возил герцога Эденбриджа, пока тот не скончался от старости.

Добившись столь впечатляющих успехов за какие-то несколько часов, виконт вернулся домой весьма довольный собой.

Автомобиль ему доставили за день до отъезда в Девон. Беннет оказался весьма полезным ему, помогая грузить сундуки и чемоданы, и даже съездил на Паддингтонский вокзал за билетами для остальных слуг.

– Их придется на чем-то доставить из Барнстейпла в поместье в Бидефорде, поскольку своего вокзала там нет, – сообщил он виконту. – Вероятно, мне стоит разузнать, можно ли нанять для них частный экипаж или два.

– Разумеется! Нельзя ведь ожидать от них, что они пройдут такое расстояние пешком, да еще нагруженные багажом! Благодарю вас, Беннет. Кстати, авто готово к столь длительной поездке?

– Готово, милорд, и я даже разжился дорожной картой у «Стэнфорда». Предлагаю сделать остановку в гостинице «Ангел» в Солсбери и там же заночевать. За один день такую дорогу нам никак не осилить.

– Так я и думал. Говорят, эти новомодные авто способны ездить быстрее лошадей, но я сомневаюсь в этом.

Теперь, когда вся мебель была укрыта чехлами, дом выглядел необычайно чужим и опустевшим.

На следующее утро виконт проводил слуг на вокзал, а сам попрощался с Беллами и его женой.

Забравшись на пассажирское сиденье своего нового средства передвижения, он вдруг ощутил прилив грусти оттого, что покидает дом, в котором жил с момента окончания Кембриджа.

«Что ж, по крайней мере, я хотя бы попрощался с бабушкой», – подумал Кеннингтон, когда авто сорвалось с места и помчалось вперед.

Автомобиль набирал скорость, и виконту пришлось ухватиться за шляпу. Беннет был отличным шофером, но вот переключение коробки передач выходило туговато.

Вскоре они уже катили по Западному Лондону, вырулив на старый торговый тракт в Эксетер. Беннет спланировал поездку до последней мили и намеревался сделать остановку для обеда на постоялом дворе в районе окраины Ридинга, а поужинать – в гостинице «Ангел» в Солсбери.

– Я заказал для нас две комнаты, милорд, заодно предупредил, что мы приедем на автомобиле и что конюшня нам на ночь не понадобится.

– Превосходно, Беннет. А поездка на такой скорости бодрит, вы не находите?

– О, я уже привык к этому, милорд. Старый герцог частенько просил меня поддать газку, чтобы взглянуть, что удастся выжать из нашей старушки. А когда мы обгоняли экипажи, он радостно кричал их пассажирам и размахивал шляпой.

Виконт расхохотался.

– Вы должны быть внимательны – уже скоро дороги станут куда хуже, чем в Лондоне, а мы ведь не хотим попасть в аварию, верно? Тут может случиться все, что угодно.

– Как и с лошадью, милорд.

День выдался теплым и солнечным, так что виконт вскоре снял защитные очки, всюю наслаждаясь проносящимися мимо пейзажами. Разбросанные тут и там деревушки Миддлсекса вскорости сменились пологими холмами Беркшира.

Ландшафт постепенно разгладился, и ближе к вечеру они въехали на равнину Солсбери. Вокруг, куда ни глянь, расстилались ровные поля, и виконт распорядился сделать остановку в Стоунхендже, чтобы вблизи полюбоваться знаменитыми камнями.

Он вспомнил роман Томаса Харди «Тэсс из рода д'Эрбервиллей», в котором героиня встретила свою судьбу в каменном круге. Стоя на том самом месте и слушая, как свистит в ушах ветер, повернувшись лицом на запад, Дэвид спросил себя, а что ждет его впереди.

Виконту вдруг пришло в голову, что он не знает там ни единой живой души, за исключением собственных слуг, и что любого приезжего в городе встретят с подозрением.

– Я приложу все силы к тому, чтобы обрести популярность, чего так желал для меня дедушка. Это самое малое, что могу для него сделать, – прошептал виконт, снова садясь в «даймлер».

* * *

В гостиницу «Ангел» они прибыли около семи часов пополудни.

Пока Беннет выгружал багаж, виконт прогулялся по конюшням.

Он с удовлетворением отметил, что его авто является единственным на постоялом дворе, и ощутил прилив гордости оттого, что их появление породило немалый переполох.

В гостинице Кеннингтон провел приятный вечер. Поданные им кушанья оказались сытными, пусть и простыми, а порции – достаточно большими. Он хорошо выспался на пуховой перине в кровати с пологом на четырех столбиках, и на следующее утро поднялся готовым выехать пораньше.

К половине девятого Беннет подготовил авто к поездке, поэтому еще не было и девяти, как они катили по дороге.

– Хотелось бы мне знать, прибыла ли уже прислуга в Барнстейпл? – поинтересовался виконт, перекивая рев мотора.

– Думаю, да, милорд, – отозвался Беннет. – Хотя дьявольски жаль, что в Бидефорде нет вокзала.

– Да, – поморщился виконт, когда овца, напуганная звуком клаксона, отпрыгнула в сторону едва ли не из-под самых колес. – Увы, но нам не приходится рассчитывать на удобства, к которым мы привыкли в Лондоне. Здесь у них нет даже газового освещения!

– Черт побери! – вскричал Беннет. – А я уже подумал было, что эпоха свечей осталась в прошлом.

– Некоторое время нам придется потерпеть, Беннет. Вы как, не возражаете против небольших трудностей после роскоши, к которой наверняка привыкли в доме герцога?

– Ничуть, милорд. В юности я помогал на конюшне, так что мне доводилось спать на сеновале над лошадьми.

Дорога в верхней части Эксмора оказалась совершенно разбитой. Собственно говоря, это была всего лишь колея, проложенная тележными колесами. Чтобы взобраться на крутые холмы, попадавшие им на пути к Барнстейплу, пришлось выжать из «даймлера» все силы, и виконт спросил себя, а как же преодолевают их повозки на конной тяге.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.